

Дмитрий Хоботнев

г. Новокузнецк

Клуб неухоженных могил

Помнится, было тепло и влажно. Однотонное, как серый натяжной потолок, небо создавало тот парниковый эффект, при котором только огурцы выращивать, а не наслаждаться погодой.

Впрочем, место, где я в тот день оказался, с теплицей ничего общего не имело. Здесь, правда, сеяли, понимая, однако, что надежды на всходы нет. Одним словом, это было кладбище.

Я никогда не любил кладбищ, хотя кто их любит, если разобраться? Разница лишь в том, что нелюбовь у каждого своя. Причина моей нелюбви крылась в неухоженных могилах. Меня всегда угнетал их скорбный вид.

Ни к чему лукавить, был здесь и весьма существенный личный момент. Будучи уже далеко не юношей, я так и не обзавелся наследниками. Разумеется, имущество после завершения человеком жизненного пути не пропадает – всегда найдется какой-нибудь восьмьюродный, желающий предъявить права на материальные блага. Однако когда речь заходит о том, чтобы хоть раз в три года покрасить оградку или подновить памятник, желающих афишировать родственные связи с усопшим становится значительно меньше. Это не хорошо и не плохо. Это нормально и логично. Чтобы о тебе помнили тысячелетия, нужно лежать в чем-то вроде египетской пирамиды, а не в такой ненадежной штуке, как земля.

Наверное, многим из живущих доводилось заявлять о безразличии к своему положению после ухода, но мне почему-то чудится здесь изрядная доля все того же лукавства.

В этот теплый влажный день были похороны. Предавали земле мою соседку по подъезду, древнюю старушку, пережившую собственных детей. Собралась кучка претендентов на опустевшую квартиру, и было даже несколько любопытно наблюдать за тем, как они пыжились и пускали пыль в глаза друг другу, намекая на первоочередность. Бабка была, в сущности, безвредным человеком, и когда меня попросили помочь на церемонии, я не увидел причин для отказа. Не хватало мужчин нести гроб, а о затратах на услуги ритуального агентства борцы за квартиру как-то позабыли. Впрочем, Бог с ней с квартирой, это к делу не относится.

До кладбища доехали на специальном автобусе с отсутствующими задними сиденьями, и по приезду я понял, что моя помощь, в сущности, не требовалась. Место захоронения располагалось не далее, чем в пятидесяти метрах от дороги, а старушка была очень легкой, так что вполне могли обойтись даже женскими силами.

На старом кладбище давно уже закончилось место, и хоронили только тех, кто еще в незапамятные времена позаботился о делянке. Могилы причудливо и непостижимо соседствовали с частными избушками, так что домовладельцы, сажая картошку, легко могли дотянуться до ближайших оградок. К тому же я узнал, что многие из этих крестьян успели за последние

годы значительно уменьшить площадь своих огородов, продавая землю под погребения. Естественно, вырученные таким способом деньги они банально пропивали.

Когда мы несли гроб, единственным осложнением явилась узковатая тропинка. Сюрприз ожидал в конце пути. Оказалось, что могила еще не докопана. Могильщиков родственники нашли где-то на стороне, как так такса кладбищенских землекопов показалась им завышенной. Яма была уже готова, но за десять минут до нашего приезда появился невысокий пожилой человек и, представившись смотрителем, попросил углубиться еще на штык, так как наличие несоответствие санитарным нормам. Подозреваю, что ему эти нормы были до лампочки, а истинная причина принципиальности скрывалась в желании слегка отомстить за отказ от местных услуг. И теперь два раздетых по пояс взмокших мужичка лихорадочно махали лопатами на дне могилы, проклиная смотрителя и духоту.

Мне предстояло торчать здесь до окончания церемонии, чтобы уехать на автобусе, и, определив навскидку, что работы не меньше, чем на полчаса, я отправился побродить по окрестностям.

Это было абсолютно бесцельное хождение – убить время, не больше. Меня с этим кладбищем ничего не связывало, чему оставалось только порадоваться, так как здесь наблюдалось то самое угнетающее запустение. Свежие могилы практически отсутствовали, а ухоженные пребывали в явном меньшинстве. Повсюду я видел ржавые оградки и памятники, выцветшие фотоovalы, покосившиеся, а то и вовсе упавшие кресты, мощные, чуть не в человеческий рост, кусты, растущие прямо над захоронениями. Бутылки из-под спиртного с бледными от дождей и снегов этикетками валялись под растрескавшимися почерневшими скамейками. Попадались могилы, где земля осела на добрых полметра, засосав в себя почти рассыпавшиеся плиты. На ум невольно приходила мысль: за чем, собственно, смотрел смотритель, столь рьяно пекущийся о санитарных нормах? Из тех памятников, на которых еще можно было различить даты, самым старым оказалась заржавевшая донельзя металлическая пирамидка. У меня уже начали чесаться глаза, когда я, наконец, сумел в гравировке на квадратной табличке различить цифры 1876–1952. Помнится, легкие мурашки пробежали по коже. Я словно на миг ощутил связь времен и поколений, смешанных здесь в единую бесформенную массу. Не ахти какая старина – тысяча девятьсот пятьдесят второй год, но это возраст памятника, а я подумал не о металлической пирамидке, я подумал, что человек, лежащий здесь, всеми забытый и покинутый, на тринадцать лет старше Гитлера. Он родился всего лишь через пятнадцать лет после отмены крепостного права, а когда началась Великая Отечественная война, уже был стариком. А его дед или прадед могли появиться на свет еще в первую Отечественную войну. Всего каких-то три-четыре поколения разделяли изобретение фотографии и создание атомного оружия. Вдруг представилась длиннейшая цепочка, ведущая куда-то за горизонт в невообразимые времена каменных орудий и мамонтов. И, ведь этот человек наверняка знал своих родителей, те – своих и так из века в век, из тысячелетия пробивалось, превращаясь в дерево, семя, брошенное когда-то в землю эволюции. И словно листья осенью опадали с него люди, обращаясь в подобия таких вот ржавых, никому не нужных памятников. Да, это действительно угнетало. Точно я попытался примерить на себя рубашку времени и ощутил, насколько мелковат мой размерчик. Я ходил по этим тихим улицам, разглядывая блекнущие фотоovalы, и шепотом ругал смотрителя, по вине которого пришло на ум подобное коротание времени. Какое коротание может быть у чего-то неизмеримого? Не время я коротал, а себя, бесцельно и бессмысленно. Конечно, останься я наблюдать, как вспотевшие мужики роют могилу, цельности и смысла больше не стало бы, но я, по крайней мере, не увидел бы эту ржавую пирамидку и не стал бы себя накручивать разными угнетающими мыслями.

Когда я вернулся к месту погребения соседки, могильщики уже выбрались из ямы и тяжело торопливо курили, усевшись на ближайшую оградку. Смотритель стоял в сторонке, и в его цепком хитром взгляде читалось удовлетворение. Кучка наследников окружила стоящий на двух табуретах гроб. Женщины всхлипывали, получалось у них неважно. Маленькое морщи-

нистое лицо покойницы казалось неестественно желтым на фоне белой подушки. Странно, во мне постороннем, в сущности, человеке было больше сожаления, чем в тихо ненавидящих друг друга родственниках. Я смотрел на них и понимал, что памятник в виде грубой стальной трапеции с маленькой круглой фотографией обречен с этого дня на одинокое ржавление, что только дождь, снег да палящее Солнце будут его посетителями. Связь времен разорвалась, память дала сбой... «Клуб неухоженных могил» – именно такую вывеску следовало бы поставить у входа в это тоскливое место. Но только ли это? Сколько таких мест по нашей земле? Сколько брошенных деревень, от которых остались лишь ржавые трапеции и едва различимые даты? Простые добрые ценности ушли на второй план, пропустив вперед таких вот ненавидящих друг друга людей, не думающих о том, что «клуб неухоженных могил» ждет, когда они наконец-то присоединятся к позабытой когда-то старушке...

Гроб зарыли быстро, как показалось, даже излишне быстро. Воткнули в комковатую жесткую землю памятник и оградку, выпили понемногу, раздали носовые платки и конфеты... И все. Женщины даже не всхлипывали, и какие-то посторонние, не имеющие связи с погребением, тихие разговоры прокрались в душный воздух. Едва ли не кожей я ощутил, что уже здесь, около неувядших погребальных цветов началось ржавление памяти...

Меня, разумеется, пригласили на поминки, которые заказали в маленькой обшарпанной столовой, в обычные дни служащей приютом для любителей опрокинуть стопятыдесят на скорую руку.

Ехать не хотелось, но я поехал лишь для того, чтобы хоть один человек искренне помянул ушедшую в неизвестную даль старушку.

После первого же стакана, который предварила речь одного из родственников, явно тяготившегося своей ролью, ржавление стало зримым. У меня на глазах стальные прутья оградки начали покрываться бурыми разрастающимся необратимо пятнами. Цветы вяли, превращаясь в медленно оседающую землю. Неудержимый вьюн обвивал памятник, впитывая в себя, точно удобрение, погребальные соки. И только птицы щебетали над запустением, понимая, что так нельзя, понимая, что абсолютное забвение убивает не мертвых – оно убивает живых, разрушает в них что-то очень важное, что-то отличающее человека от дикого зверя.

Домой я вернулся около шести часов вечера. В пакете лежала водочная поллитровка, которую мне всучила «благодарная» родня. В кармане брюк носовой платок и конфеты. В одиноком зале я сел в кресло и разложил все это на стоящем рядом журнальном столике. Такое нехитрое меню предлагали нынче в «клубе неухоженных могил». Отпивал прямо из горлышка, закусывал конфетой, утирал губы платком, глядел на наливающийся темными красками вечер за окном. Потом повторял все снова: водка, конфета, платок, вечер... И чем больше я повторял, тем сильнее ржавела память, тем причудливее змеился вьюн по крестам и плитам, тем глуше становились звуки похоронного марша... Я засыпал, и мне хотелось только одного – никогда не стать членом «клуба неухоженных могил». Я думал о том, что величайшие злодеи остаются в тысячелетиях, а простые незаметные люди тают и исчезают, словно крохотные свечки. Конечно, нельзя жить веками для всех, но почему же нельзя, чтобы хотя бы несколько человек, а потом их дети, внуки, правнуки хоть на миг вспоминали о тебе, поднося платок к губам?..

Я уснул в кресле, не найдя ответа на вопрос, с одним лишь печальным осознанием, что так было, есть и будет всегда.